

УДК 82-22

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-98-106

КОМЕДИЯ В. П. КАТАЕВА «МИЛЛИОН ТЕРЗАНИЙ»: КРИТИКО-ИРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Халилов Р. О.*Литературный институт имени А. М. Горького**123104, г. Москва, Тверской б-р, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить и исследовать авторский критико-иронический аспект, направленный на положительных персонажей комедии В. П. Катаева «Миллион терзаний».

Процедура и методы. Проанализированы критика, рецензии, статьи авторов советского и постсоветского периодов. При исследовании использовались возможности структурного, социологического методов изучения литературы. Проведён выборочный анализ произведения, выделена исследуемая группа персонажей, определены использованные автором художественные элементы.

Результаты. Итоги исследования возмещают незавершённость критического подхода к пьесе, в советский период связанную с политкорректностью, цензурой, в новейшее время – с отсутствием исследовательского интереса к драматургии 1930-х гг. С появления комедии на публике считалось, что «Миллион терзаний» – остросатирическое произведение. Однако проведённый анализ позволил установить присутствие второго содержательного плана комедии. Исследование показало, что автор в пьесе выступает с активной критикой правящего класса – пролетариата. Обращёнными диалогами (голос автора), аллюзией к работе Д. С. Мережковского «Грядущий хам» автор направляет внимание читателя, зрителя на положительных персонажей комедии. Прикрытый острой сатирой, в большей части расположенный в поле содержания критико-иронический аспект комедии указывает на тревожащие автора черты социокультурного облика нарождающейся рабочей интеллигенции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Установленный исследованием авторский критико-иронический аспект пьесы «Миллион терзаний» послужит целостному пониманию произведения в контексте драматургии начала 1930-х гг. Материалы исследования могут быть использованы на лекциях по драматургии 1920-30-х гг. прошлого века, семинарах, посвящённых драматургии Валентина Катаева. Результаты работы могут быть использованы художественными руководителями театров, режиссёрами, сценографами в постановке драматургических произведений Катаева на сцене.

Ключевые слова: «Грядущий хам», драматургия, В. Катаев, комедия, «Миллион терзаний», путчик, СССР

V. P. KATAEV'S COMEDY "A MILLION TORMENTS": CRITICAL AND IRONIC ASPECT

R. Khalilov*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing**Tverskoy blvd. 25, Moscow 123104, Russian Federation*

Abstract

Aim. We identify and investigate the writer's critical and ironic aspect aimed at the positive characters of V. P. Kataev's comedy "A Million Torments".

Methodology. The criticism, reviews, articles of the writers of the Soviet and post-Soviet period are analyzed. The study makes use of structural and sociological methods of studying literature. A selective analysis of the work is carried out, the studied group of characters is identified, and the artistic elements used by the author are determined.

Results. The results of the study compensate for the incompleteness of the critical approach to the play, which in the Soviet period was associated with political correctness, censorship, and in recent times with the lack of research interest in the drama of the 1930s. Since the appearance of the comedy in public, "A Million Torments" was considered to be a sharply satirical work. However, the analysis established the presence of a second semantic and meaningful plan of the comedy. The analysis showed that the author in the play makes an active criticism of the ruling class – the proletariat. With the turned dialogues (the author's voice), an allusion to the work of D. S. Merezhkovsky "The Coming Boor", the writer directs the attention of the reader and the viewer to the positive characters of the comedy. With sharp satire, the critical and ironic aspect of the writer, mostly located in the field of content, points to the disturbing features of the socio-cultural appearance of the nascent working intelligentsia.

Research implications. Kataev's critical and ironic aspect in the play "A Million Torments" can serve for holistic understanding of the work in the context of the drama of the early 1930s. The research materials can be used at lectures on drama of the 1920–30s of the last century and seminars dedicated to the drama of V. Kataev. The results of the work can be used by artistic directors of theaters, directors, and stage designers in staging Kataev's dramatic works on stage.

Keywords: "The Coming boor", dramaturgy, V. Kataev, comedy, "A million torments", fellow traveler, USSR

Введение

Так называемый «Великий перелом»¹ конца 1920-х гг. в СССР был началом политики тотальной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Создание мобилизационной экономики в последующие годы сопровождалось политическими репрессиями во всех областях социально-культурной жизни СССР. Попытки писателей и драматургов выйти за рамки существующих идеологических концепций пресекались цензурой.

Стремясь обойти барьеры цензуры, В. Катаев, М. Булгаков, А. Платонов, Е. Шварц в своих пьесах использовали приёмы подтекста, тайнописи, скрытой сатиры.

В пьесе Булакова «Иван Васильевич» (1934 г.) скрытый замысел автора расположен в области множественности ассоциативных рядов, «двуплановости» [7, с. 250] комической интриги, комическом смещении «лексических уровней» [7, с. 250]. Булгаков, «изображая Ивана

Грозного и его царство, имел в виду Сталина и сталинизм; к этому отсылают литературно-исторические, автобиографические и данные фигурального концепта...» [7, с. 251].

В пьесе «Голос отца» (1939 г.), исследованной Э. Найманом [6], Платонов, «искусно "прикрывая" семантику (диалога Отца и сына. – Р. Х.) знаками умолчания» [3, с. 151], а также используя «приём аллюзивной (А. С. Пушкин. "Андрей Шенье") характеристики Вождя (Сталин)» [3, с. 158], выражал свой протест, всю силу своего «сопротивления трагической современности» [3, с. 158].

Пьеса «Дракон» (1943 г.) Шварца, «начатая ещё до Великой Отечественной войны и воспринятая как политическая сатира на сталинский режим, задумывалась автором как обличение фашизма в сказочной форме» [1, с. 14]. Скрытый под жанром сказки, гротеска, художественный мир произведения воссоздаёт «новый контекстуальный пласт, в котором наиболее полно раскрыты философские представления автора» [1, с. 14].

¹ Сталин И. В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // Ленинградская правда. 1929. № 259. 3 нояб.

Тщательно скрытый замысел авторов вышеперечисленных пьес не смог защитить их от запрета цензуры. Пьесы были изданы и увидели сцену только через несколько десятилетий. Катаеву удалось опубликовать (в 1931 г.), добиться постановки на сцене (в 1932 г.) пьесы «Миллион терзаний» и тем сохранить актуальность и злободневность.

Проблема интеллигенции в послереволюционном советском государстве конца 1920-х – начала 1930-х гг. волновала власть и общество, широко обсуждалась в прессе¹, диспутах, собраниях. Социокультурный облик нарождающейся рабочей интеллигенции вызывал у Катаева острое неприятие. Свои мысли и наблюдения по отношению к правящему классу, прикрытые комической путаницей, случайными недоразумениями, острыми яркими диалогами, динамикой внешнего действия, автор отразил в пьесе «Миллион терзаний».

В апреле 1931 г. в журнале «Красная Новь» вышла первая публикация комедии «Миллион терзаний»². Театральная премьера комедии состоялась в Московском театре оперетты осенью 1932 г. Музыку для водевиля написал И. Дунаевский. В последующие годы «Миллион терзаний» с успехом ставился в России и за рубежом. В советский период Л. Скорино³, В. Фролов⁴, М. Микулашек [5], Н. Киселёв [2], Л. Климова⁵ и другие исследователи творчества В. Катаева, журнальная и газетная критика отмечали острую сатиру комедии и невыразительность изображения положительных персонажей – нарождающуюся рабочую интеллигенцию. В новейшее время М. Литовская [4],

С. Шаргунов⁶, М. Шиленок [8] подчёркивают колкую сатиру и не добавляют подробностей в характеристику некомедийных (положительных) персонажей пьесы. Критики советского и постсоветского времени, за исключением незначительных деталей, не шли дальше общего описания положительных персонажей комедии. Например: «наследники великих гуманистических традиций прошлого, носители подлинной культуры»⁷ или «положительные герои ... даны эскизно ... образуют лишь контраст»⁸. Ограниченность критического подхода к пьесе в советский период была связана с политкорректностью, цензурой, в новейшее время – с отсутствием исследовательского интереса, неактуальностью драматургии 1930-х гг. Анализ концентрирует внимание на положительных персонажах комедии, именно на них направлен критико-иронический взгляд автора. В работе мы оставляем без внимания сатиру пьесы, драматургические приёмы, средства комедийности, сосредоточив внимание на теме исследования. С момента первого появления комедии «Миллион терзаний» в публичном пространстве и по настоящее время мы не встретили ни одной публикации, затрагивающей тему иронии.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. знаменуется сворачиванием проекта НЭП, началом первой пятилетки, идейно-политической борьбой в партии. Это время стало решающим в жизни и творчестве автора. Упрекаемый в «попутничестве», «приспособленец», «делец»⁹ Катаев активно защищался. Помимо литературно-прагматических целей, пьеса «Миллион терзаний» является этапом литературно-политической борьбы Катаева.

¹ Динамов С. К. проблеме интеллигенции // На литературном посту. 1929. № 1. Янв.

² Катаев В. П. Миллион терзаний // Красная Новь. 1931. № 4. Апр.

³ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Сов. писатель, 1965. 367 с.

⁴ Фролов В. О советской комедии. М.: Искусство. 1954. 340 с.

⁵ Климова Л. П. Театр и драматургия. Катаев-драматург // Труды ГНИИ театра, музыки и кинематографии. Вып. 1. Л.: 1959. 449 с.

⁶ Шаргунов С. Катаев: Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия., 2017. 671 с.

⁷ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Сов. писатель, 1965. С. 210.

⁸ Микулашек М. Пути советской комедии 1925–1934 гг. Прага: ТИСК, 1962. С. 209.

⁹ Машбиц-Веров И. М. Писатели и современность: статьи. М.: Федерация, 1931. С. 57.

Анализ комедии

Известно, что интеллигенция в государстве является одной из основных сил развития культуры, науки, общественной мысли. Начало эпохи индустриализации, тектонические социально-экономические, общественно-политические сдвиги как никогда умножили роль интеллигенции в государстве конца 1920-х – начала 1930-х гг. Изображаемый в комедии сниженный социокультурный облик нарождающейся рабочей интеллигенции является авторским отражением явлений, происходящих в советском обществе. Автор указывает на точный хронологический топос действия в комедии: это Москва, 1931 год. В редакции первого издания, в ремарке к первому действию говорится: «Действие происходит в наши дни, в Москве, в конце августа...»¹. В тексте пьесы звучит фраза: «На четырнадцатом году пролетарской революции...»².

Образ сатирического героя, «интеллигента» Экипажева, отдан в распоряжение самоуничтожающему комикованию с целью развеселить публику. Вместе с тем В. Россоловская в статье «Творчество Валентина Катаева» говорит, что «Экипажеву противопоставлена новая советская, пролетарская интеллигенция – семья рабочего Парасюка»³. Противопоставляя шута Экипажева некомическим (положительным) персонажам, автор ставит их в проблематичное положение, положение сравнения. В сопоставлении с Экипажевым семья Парасюков – нарождающаяся «пролетарская интеллигенция»⁴ – изображается автором несомненно предпочтительней. Однако в сопоставлении моральных и культурных качеств личности «интеллигента» Экипажева и рабочей семьи, соци-

окультурный облик последних оставляет ощущение двойственности.

Комедийная ситуация внешнего действия, пронизывающая всё произведение, построена на путанице, центром интриги которой является «хам». Для «интеллигента» Экипажева «хамом» представляется упаднический образ советского рабочего (с его низкой культурой, моральной деградацией, пониженной социальной ответственностью). Реплики, фигуры речи, связанные с этим словом, в тексте пьесы звучат множество раз: и как голос автора, и как фраза живого диалога персонажей. Комическая путаница, мотивированная глупостью и интеллектуальной ограниченностью шута Экипажева, изображается действительно комедийно и вызывают неподдельный смех. Вместе с тем слово «хам» выходит за пределы комического диалога и ориентируется на зрителя:

Парасюк. Да, но Чарльз Дарвин...

Экипажев. Дарвин... ... Настоящий человек есть настоящий человек, а хам есть хам⁵.

И ещё:

Парасюк. У нас нет мастеровых. У нас рабочие.

Экипажев. Это безразлично. Мастеровой, рабочий – одно и то же. По-ихнему – рабочие, а по-нашему – хамы⁶.

Комической путаницей, построенной на упадническом образе советского рабочего, словом «хам», обращённым к вдумчивому читателю, зрителю, автор направляет внимание на положительных персонажей комедии. Аллюзией фразы «хам» являлась одна из известных работ Д. С. Мережковского «Грядущий хам»⁷. Без сомнения, статья Мережковского была известна критикам, рецензентам «Миллиона терзаний». Дабы не поднимать сложную, спорную дискуссию по отношению к «пролетарской интеллигенции», советские кри-

¹ Катаев В. П. Миллион терзаний // Красная Новь. 1931. № 4. Апр. С. 24.

² Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 224.

³ Россоловская В. Творчество Валентина Катаева // Молодая гвардия. 1933. № 6. Июнь. С. 174.

⁴ Там же.

⁵ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 223.

⁶ Там же.

⁷ Мережковский Д. С. Грядущий хам. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. 185 с.

тики предпочли обойти её умолчанием, сосредоточив внимание на безобидной феерической сатире комедии. В постсоветское время М. Шиленок упомянул статью Мережковского, но при этом не стал развивать эту тему, сосредоточив внимание в своей работе о «Миллионе терзаний» на внешнем действии комедии [8].

От работы Мережковского к отражению в комедии советской реальности Катаев протягивает связующую линию. Нравственное перерождение, духовное падение общественного сознания Европы и России является одним из основных мотивов статьи «Грядущий хам». Опасения у автора «Миллиона терзаний» вызывают пережитки нравственного упадка прошлого, наблюдаемые в среде рабочей интеллигенции уже в советское время. В 1930-е гг. критик В. Россоловская, давая общую характеристику положительным персонажам, обратила внимание на отсутствие культурных качеств в образе семьи Парасюков. Критик жалеет, что акцент автором в изображении нарождающейся рабочей интеллигенции сделан «не на общественно-производственную деятельность Парасюков, не на качественное отличие их культуры...»¹.

Прикрытая путаницей, случайными недоразумениями, совместно с динамикой и острыми яркими диалогами внешнего действия, критика автора, основная часть которой находится в области содержания, не привлекает внимания. Вместе с тем при внимательном рассмотрении поступков, деталей быта, диалогов отчётливо видны сниженные моральные, культурные стороны образа положительных героев комедии. Не акцентируя внимания на образе положительных персонажей (Иван Парасюк, Агнесса, Шура), Климова отмечает: «...они объясняются на грубоватом жаргоне (“не будь я гадом”, “погоди не рыпайся”, “малахольная”, “спятил”, “морду прячу”»)².

И всё же основное критическое внимание автор концентрирует на формирующейся прослойке советского общества – нарождающейся рабочей интеллигенции – семье Парасюков. Из действия комедии мы выделим сцены, связанные с этой семьёй, и прокомментируем их.

Иван Парасюк, коммунист, учащийся Комакадемии, муж Агнессы, дочери «интеллигента» Экипажева, в гостях у Экипажева:

Парасюк (осматривается). Это, вероятно, Анечкина мама. Красивая женщина. Достоевский... Интеллигенция! «Муж вашей дочери... и цыц...»³.

В монологе Парасюка – мысли вслух – в адрес дореволюционной интеллигенции слышится чувство умиления, почтения. Однако при упоминании факта родства с семьёй Экипажевых Парасюк дистанцируется:

Шура. А ты что, в зятя к Экипажеву заделался?

Парасюк. Экипажев сам по себе, а я сам по себе⁴.

По сюжету образ Ивана Парасюка должен выглядеть открытым, прямым и решительным примером советского рабочего. Однако без посторонних у Парасюка один облик в обществе, на людях другой. Автор показывает многоликость Парасюка, скрытым основанием которой является двоедушие.

В третьем, последнем, действии комедии драматургическим приёмом «зритель знает – персонажи не знают» автор ставит пролетарскую семью в обстоятельства иронического положения и тем определяет своё отношение к положительным персонажам – семье Парасюков. Действительно: озабоченное ожидание, праздничная подготовка и, наконец, встреча «советских

¹ Россоловская В. Творчество Валентина Катаева // Молодая гвардия. 1933. № 6. Июнь. С. 174.

² Климова Л. П. Театр и драматургия. Катаев-драматург // Труды ГНИИ театра, музыки и кинематографии. Вып. 1. Л.: Искусства, 1959. С. 124.

³ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 222.

⁴ Там же.

людей-тружеников»¹ с шутом Экипажевым выглядит нелепо. Все сцены, представленные ниже, из третьего действия.

Для Парасюков личное знакомство с «интеллигентом» Экипажевым является торжественным, значительным событием.

Мать. Ты что же, всю нашу фамилию осрамить хочешь? Знаешь, какого человека мы к себе в гости ждём? И ты хочешь перед этим интеллигентным родственником появиться такой неумытой хрюшкой?²

Отец и дедушка Парасюки моются специально к приходу уважаемого гостя-родственника – «интеллигента» Экипажева. Несомненно, автор видоизменяет на многие века закрепившееся за простым мужиком выражение власть имущих – «неумытое рыло». Вместе с тем для закрытой, бытовой среды у Парасюков один физический облик (до встречи с Экипажевым можно быть «неумытой хрюшкой»), а для внешней – иной. Автор показывает небеспочвенность пережитка прошлого, внутрибытовую культуру семьи Парасюков. Да и сама фамилия их говорит о многом: она явно не предназначена для положительных героев.

В ремарке ко второму явлению третьего действия автор изображает отца Парасюка в халате после ванной: «Из ванной выходит отец. Он в синем холщовом халате, мокрый, причёсывается»³. Этой сценой автор отсылает зрителя и читателя к популярной пьесе Е. Яновского «Халат» 1929 г. Символ мещанства – домашний халат, подаренный группой заискивающих подхалимов, чуть окончательно не погубил начинающего «утопать» в болоте обывательщины, «заслуженного партизана», ответработника, коммуниста Корякина⁴.

Елизавета Осиповна Парасюк в ожидании «профессора» Экипажева, польщена и смущена, несколько раз употребляет фразу из старорежимного лексикона.

Мать (отцу). Слышишь? Сейчас сам придёт. А ты в халате, как арестант. Ступай хоть в пиджак переоденься⁵.

Именованьем «сам» Елизавета Осиповна подчёркивает преимущество «на четырнадцатом году пролетарской революции»⁶ общественного положения Экипажева. Завоевание советской власти в борьбе против социальной иерархии в этой сцене нивелируется пережитком до-революционного унижительного благоговения перед классовым различием.

В процессе подготовки к встрече родственника-интеллигента Елизавета Осиповна спрашивает сына Ивана, кушает ли Экипажев «пирог с груздями» и «заливного судака»:

Парасюк. Кушает, кушает. Он у нас всё кушает.

Мать. Сразу видать образованного человека. (Вытаскивает и ставит на подоконник фикус.)⁷

Во взгляде, где образованность определяется по предпочтениям к еде, автор с юмором обращает внимание на примитивность понимания основ культуры.

Отец Парасюк обнял жену Елизавету Осиповну.

Парасюк. Она и он, луна, балкон. Я давно подозревал, что у меня родители Ромео и Джульетта⁸.

Аллюзией из Шекспира автор выделяет образованность Парасюка. Вместе с тем автор обращает внимание читателя, зрителя на неудачное и неуместное сравнение, топорность применения цитаты.

¹ Скорино Л. И. Писатель и его время: Жизнь и творчество В. П. Катаева. М.: Советский писатель, 1965. С. 210.

² Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 233.

³ Там же. С. 232.

⁴ Яновский Е. Г. Халат. Комедия-сатира в 5 действиях. М.-Л.: МОДПИК, 1929. С. 77.

⁵ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 233.

⁶ Там же. С. 224.

⁷ Там же. С. 234.

⁸ Там же.

Беседа отца Парасюка с Экипажевым о книгах:

Экипажев. Книги-с. Когда, я вас спрашиваю, когда наконец наш тёмный, невежественный, хамский народ начнет читать книги? «Эх, эх, придёт ли времечко, придёт ли... – гм... – желанное, когда мужик не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесёт...»¹.

Цитату из Некрасова, риторическую фразу диалога, обращённую к читателю, зрителю (голос автора) Парасюк принимает на свой счёт, отвечает на не задаваемый ему вопрос:

Отец. Гоголь есть. Пять томов. Старенький, но в переплёте. А Белинский госиздатовский... Но, к сожалению, без переплёта. Всё никак не соберусь. Общественная работа заедает. ... Зато Шекспиром могу похвастаться. Брокгауза и Ефрона издание².

Несомненно, в сравнении с библиотекой Экипажева («Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона... И ещё кое-что...»³) библиотека Парасюка выглядит предпочтительней. Однако при всей очевидности стремления к знаниям Парасюка автор в этой сцене тонким намёком на внешнее оформление книг – «в переплёте», «без переплёта» – указывает на декорацию из книг, украшение интерьера из книг, часто встречаемое в мещанском быту.

В сценах третьего действия портретами Энгельса, Дзержинского, Белинского, Блока автор обращает внимание на неуместность их количества в одной комнате, а также тенденциозность, односторонность взгляда на русскую культуру семьи Парасюков.

В далёком прошлом дедушка Парасюк, работая дворником в доме у Экипажевых, сохранил научную брошюру Экипажева:

Входит дедушка с брошюрой.

Дедушка. Вот она, брошюрка-то. Книжечка. Вы мне её тогда ещё подарили. Для народного просвещения. Она у меня всегда в сундучке. Вот-с⁴. («Несколько интимных мыслей по вопросу об однополой любви...»).

Увлечшись содержанием брошюры (эротическим), дедушка многие годы не расставался с ней. Этой сценой автор отмечает круг интересов дедушки Парасюка.

Иван Парасюк читает эту брошюру:

Парасюк (берёт брошюру, читает). «Несколько интимных мыслей по вопросу об однополой любви в Древней Греции, с иллюстрациями, сочинение доктора эстетики А. Э. Экипажева». Пустячок – философическая брошюрка!.. Гм...⁵.

Название брошюры, без сомнения, вызывает комический эффект, однако работа доктора наук не может быть «пустячком». Иван Парасюк показывает очевидные амбиции, завышенное самомнение.

В порыве отчаяния Экипажев восклицает: «...Вот до чего довели великую русскую интеллигенцию! Затравили!»⁶ Возражая Экипажеву и принимая на свой счёт, отец Парасюк нескромно пикирует: «Насчёт интеллигенции это вы, положим, бросьте»⁷.

Название комедии «Миллион терзаний», кроме значений, высказанных критиками в отношении внешнего сатирического действия, проецируется на ещё большее количество «терзаний» по отношению к образу нарождающейся рабочей интеллигенции.

Заключение

Валентин Катаев на краю дозволенного (критика правящего класса) осторожно оформляет своё критико-ироническое высказывание по отношению к социальному слою общества – «пролетарской интеллигенции». Мастерски выстроенный художественный рисунок действия по отношению

¹ Катаев В. П. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9: Пьесы. М.: Художественная литература, 1986. С. 236.

² Там же.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 242.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 245.

к нарождающейся рабочей интеллигенции – средства комедийности, портреты, детали быта – позволили автору решить эстетическую задачу: совместить жизненно необходимую критику и тонкую иронию. Отсылая читателя, зрителя к работе Мережковского «Грядущий хам», автор указывает на пережитки общественного сознания, отмеченные в ростках социокультурного облика пролетарской семьи

Парасюков. Наблюдения автора приобретают особую ценность, поскольку тревога и опасения, отображённые в комедии, оказались небезосновательными. Деградация элиты в СССР, основоположником которой была рабочая интеллигенция, стала одним из основных причин распада нашей страны.

Статья поступила в редакцию 27.09.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велиев Р. Ш., Прищепа В. П. Образ Ланцелота в творчестве драматурга Е. Шварца (на материале пьесы «Дракон») // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 14–15.
2. Киселев Н. Н. Русская советская комедия 20-30-х годов: проблемы типологии жанра: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1973. 407 с.
3. Когут К. С., Хрящева Н. П. Социально-политический контекст в пьесе А. П. Платонова «Голос отца» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 2. С. 151–159.
4. Литовская М. Социохудожественный феномен В. П. Катаева: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 493 с.
5. Микулашек М. Пути развития советской комедии 1925–1934 годов: дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1960. 504 с.
6. Найман Э. «Из истины не существует выхода»: А. Платонов между двух утопий // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 233–250.
7. Хансен-Кокорух Р. Комические стратегии в пьесах М. А. Булгакова // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛ РАН имени А. М. Горького, 2014. С. 245–254.
8. Шиленок М. Сатирическая проблематика и поэтика пьесы В. Катаева «Миллион терзаний» // Известия Саратовского университета. 2014. № 3. С. 100–105.

REFERENCES

1. Veliev R. Sh., Prishchepa V. P. [The Image of Lancelot in the Work of the Playwright E. Schwartz (Based on the Play "Dragon")]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2012, no. 6 (37), pp. 14–15.
2. Kiselev N. N. *Russkaya sovetskaya komediya 20-30-kh godov: problemy tipologii zhanra: dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian Soviet Comedy of the 20-30s: Problems of Genre Typology: Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tomsk, 1973. 407 p.
3. Kogut K. S., Khryashcheva N. P. [Socio-political Context in A. P. Platonov's Play "Voice of the Father"]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2015, no. 2, pp. 151–159.
4. Litovskaya M. *Sotsiokhudozhestvennyi fenomen V. P. Kataeva: dis. ... kand. filol. nauk* [Socio-Artistic Phenomenon of V. P. Kataeva: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 1999. 493 p.
5. Mikulashek M. *Puti razvitiya sovetskoi komedii 1925–1934 godov: dis. ... kand. filol. nauk* [Ways of Development of the Soviet Comedy in 1925–1934: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Leningrad, 1960. 504 p.
6. Naiman E. ["There is no Way out of the Truth": A. Platonov between two Utopias]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1994, no. 9, pp. 233–250.
7. Hansen-Kokorush R. [Comic Strategies in the plays of M. A. Bulgakov]. In: *Komicheskoe v russkoi literature XX veka* [Comic in Russian Literature of the Twentieth Century]. Moscow, IML RAS named after A. M. Gorky Publ., 2014, pp. 245–254.
8. Shilenok M. [Satirical Problems and Poetics of V. Kataev's Play "A Million Torments"]. In: *Izvestiya saratovskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov University], 2014, no. 3, pp. 100–105.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халилов Руслан Османович – аспирант кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А. М. Горького;
e-mail: lil987654321@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan O. Khalilov – Postgraduate Student, Department of Modern Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing;
e-mail: lil987654321@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Халилов Р. О. Комедия В. П. Катаева «Миллион терзаний»: критико-иронический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 5. С. 98–106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-98-106

FOR CITATION

Khalilov R. O. V. P. Kataev's Comedy "A Million Torments": Critical and Ironic Aspect. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 5, pp. 98–106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-5-98-106